

Павел Засодимский

**Перед потухшим
камельком**

Павел Засодимский
Перед потухшим камельком

«Public Domain»

1891

Засодимский П. В.

Перед потухшим камельком / П. В. Засодимский — «Public Domain», 1891

«...Обыкновенно не перлы и алмазы кроются в тайниках человеческой души. Эти тайники по большей части представляют собой нечто вроде мусорных ям, и обнаружить перед светом их содержимое – мне по крайней мере – кажется несравненно позорнее и стыднее, чем показать людям свою телесную наготу...»

© Засодимский П. В., 1891

© Public Domain, 1891

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Павел Владимирович Засодимский

Перед потухшим камельком

Святочный рассказ

(Из воспоминаний одного моего знакомого)

В тот вечер я решительно был не в духе. Да как же!.. Святки на дворе, а я сижу дома один-одинехонек. Насморк, кашель, грудь заложило...

Я отворил дверь из кабинета в залу и с горя принялся шагать по комнатам взад и вперед. В свое время, то есть в десять часов, моя экономка Анна Ефимовна подала мне чай. А я, заложив руки за спину, продолжал шататься из угла в угол. Одиночество в тот вечер тяготило меня. Старый холостяк в будни не так сильно чувствует свое одиночество, как в свободное праздничное время. Хотелось бы душу отвести, поговорить с кем-нибудь откровенно. А тут, как назло, нездоровье заставило меня сидеть дома. Да и то сказать, с кем же я мог бы поговорить так, как мне хотелось? Ни родных у меня, ни друзей... знакомых, правда, много, пожалуй, хоть отбавляй... Но эти знакомые, эти партнеры-винтеры, – вовсе не то, что мне надо... Да и тех-то теперь нет под руками... Анна Ефимовна? Женщина очень почтенная, слов нет, точная, аккуратная, и за пятнадцать рублей в месяц превосходно ведет мое хозяйство, и служит мне верой и правдой, то есть – ворует по мелочам, в меру. Но о чем же разговаривать с ней? Выслушивать опять ее рассказ о том, как она жила в Царском Селе у старой генеральши Хреновой и чесала гребнем ее четырнадцать болонок?.. С ней можно пошутить, потолковать насчет обеда – и только... Без всякого аппетита выпил я стакан чаю, налил другой и ушел с ним в кабинет.

– Прикажете убирать? – немного погодя спросила Анна Ефимовна, показываясь в дверях.

– Да, я больше не буду пить! – ответил я ей. – Убирайте! И можете ложиться спать...

Я сам затопил камин, придвинул к нему круглый столик и поставил на него свой стакан с чаем и небольшой граненый графин с ямайским ромом настоящего елисеевского приготовления. Затем я потушил свечи на письменном столе, подкатил к камину кресло и удобно расположился в нем. Методически, не торопясь, я положил на стакан ложечку, опустил в нее кусок сахара и облил ромом. Синевато-бледный огонек забегал над стаканом, а я стал смотреть на него. Скоро огонек стал опадать, заметался, вспыхнул раз-другой и погас. Понемногу прихлебывая, пил я горячий напиток... В квартире было тихо; Анна Ефимовна, очевидно, уже отправилась спать. Допив стакан, я поставил его на стол, закурил сигару и, откинувшись на спинку кресла, стал смотреть в камин. Дрова разгорались, и порой, когда ветер задувал в трубу, из камина слегка припахивало горячей березовой корой. Этот знакомый запах напомнил мне мое далекое детство... Весело проводил я тогда святочные вечера.

В то время я жил в родном Михальцеве с отцом, с матерью, сестренкой Олей и с моей няней-баловницей, Максимовной. Для меня в саду устраивали гору, по вечерам зажигали елку... Мать, по-видимому, очень любила меня. Я помню, как она разглаживала мои русые кудри, как ласково гладила меня по голове и крепко целовала. Ее поцелуи, признаться, мне не особенно нравились; я гораздо охотнее целовался украдкой с горничными девчонками. Отец не раз собирался посечь меня за шалости, но мать всегда за меня заступалась. Я слышал однажды, как она нравоучительным тоном говорила отцу:

– Прошу тебя... оставь, пожалуйста! Ведь таким наказанием можно выбить из ребенка всякий стыд!

Конечно, я был очень благодарен за ее заступничество, – но только она совершенно напрасно сокрушалась за мое чувство стыда. Это чувство уж было утрачено. Я боялся только физической боли, но розги как позор нимало меня не смущали...

Все они – отец, мать, и сестренка, и няня – уже давно ушли туда, откуда никто не приходит... Михальцево куплено каким-то кулаком, и знакомые, милые липы уже давно срублены. Моя детская быль мохом поросла...

Потом мне припомнилось, как гимназистом, в нашем губернском захолустье, я ездил на святках с товарищами маскированным в знакомые дома; танцевали, шалили, кутерьмили. Но в то время как мои товарищи украдкой курили папиросы и самым невинным образом ухаживали за барышнями, я простирали свои виды уже далее простого ухаживанья. Приятели звали меня «удалым». Шумно и бурно прошли студенческие годы. Какие многолюдные, оживленные сборища бывали у нас в ту пору! Иной раз только рубль в кармане, а смеху, веселья, светлых надежд и мечтаний столько, что богачу и за миллион не купить... Впрочем, деньгами я никогда не участвовал в товарищеских кутежах. У меня – такое правило: денег напрасно не тратить... И эта ранняя зеленая юность уже давно отлетела и кажется мне теперь сном. Кудри мои развились, поредели, и на темени у меня блестит изрядная лысина.

Теперь, могу сказать, я – человек вполне обеспеченный. Из Царевококшайского¹ железнодорожного правления я получаю (с наградами) около двух тысяч в год, да кое-что припрятано в банке. Кажется, можно бы жить и пользоваться благами мира сего. Но прежнего аппетита нет, вкуса нет. Ничто меня особенно не манит, не тянет меня никуда... Вот только разве еще «винт». Оставался у меня из родных один дядя, да и тот помер лет десять тому назад; дочь его вышла замуж за какого-то инженера и уехала с ним в Самарканд или за Самарканд, – бог ее знает. Впрочем, эту двоюродную сестру я почти не помню. Помню только, что все лицо ее, кажется, было в веснушках. Друзья, товарищи студенческих лет, все куда-то запропали, исчезли... Вот уж подлинно – «спрятаться так хорошо мы успели, что после друг друга найти не сумели». Иной дошел «до степеней известных», иной затонул в провинции, кое-кто умер, а две-три горячие головы попали даже в места довольно холодные.

Впрочем, один из моих университетских товарищей, Черемухин, долго шатался ко мне и иногда захаживал даже довольно часто. Он был замечательный образчик человеческой природы, феномен в своем роде, словом – один из могикан шестидесятых годов. Он ужасно любил пофилософствовать и горячо рассуждал о мире всего мира, о бедных и богатых, о добре и зле – и пес его знает еще о чем. Это был человек крайне тупой и ограниченный. Один мой знакомый очень метко называл его «прямолинейным ослом». Черемухин не мог понимать самых простых вещей, не мог, например, сообразить того, что вчерашние понятия и разговоры сегодня могут уже наскучить, а завтра и окончательно выйти из моды. Этот мудрец, зимой щеголявший в летнем пальто и во все времена года ходивший в отрепанных штанах и мечтавший покрывать чужие крыши, когда его собственная протекала, наконец надоел мне до смерти со своими банальными рассуждениями о добре и зле и вечным приставаньем за деньгами. То дай ему «рублик», то два и каждый раз почти обязательно ставь перед ним водку. Налижется как стелька и лезет с мокрыми губами целоваться. Я сам – человек трезвый и пьяниц не выношу... Иной раз еще расплачется. «Ах, говорит, доля моя, доля! Где ты запропала?» А то вдруг страшным голосом примется распевать: «Свободы гордой вдохновенье, тебя не ведает народ...» Ну, просто устраивал у меня безобразие.

Кончилось тем, что я приказал Анне Ефимовне не принимать эту шуштуру. После того он заходил ко мне несколько раз, и я слышал, как он однажды, спускаясь с лестницы, по-

¹ Царевококшайского... – Царевококшайск – название г. Йошкар-Ола до 1919 г. *Перлы и алмазаны* – жемчужины и алмазы (бриллианты). Необходимо также указать на ассоциативную связь этого словосочетания с заглавием провокационной статьи критика-эпигона Варфоломея Зайцева «Перлы и алмазаны русской журналистики» (Русское слово. – 1864. – № 6).

видимому чрезвычайно усталый, измученный, бормотал сквозь зубы: «Разжирел! Бедняка товарища не хочет знать... Чиновник!..» И с какой-то горечью он всегда произносил это слово! Что ему сделали чиновники, черт его знает!.. Он, очевидно, сердился и каждый раз так неистово дергал звонок, что заставлял меня вздрагивать, и мои несчастные нервы после того положительно расстраивались. В последний раз, уходя от двери не солоно хлебавши (дверь в моей квартире – постоянно на цепочке), он остановился на площадке, и я слышал, как он крикнул Анне Ефимовне: «Скажите вашему барину, что он – свинья! Он думает, что я к нему только за деньгами хожу или ради водки! Наплевать мне, говорит, на его водку! А целковые я ему возвращаю... Мне поговорить с ним хотелось. Я ведь, говорит, прежде любил его, скотину!» Он, очевидно, в то время был чем-то сильно огорчен и взволнован, – но все-таки с его стороны было довольно бестактно таким тоном говорить обо мне с прислугой...

Вот уже лет шесть или семь я не вижу Черемухина. Жив ли он? Пресмыкается ли где-нибудь «в углу» и по-прежнему трактует о добре и зле? Или, может быть, уже успокоился и лежит теперь на каком-нибудь из петербургских кладбищ? Подчас был ужасно неприятный человек. Ну да бог с ним! Я зла не помню... А долгу – рублей десять – двенадцать – он мне все-таки не возвратил... В тот вечер одиночество до того тяготило меня, что, право, мне кажется, если бы явился Черемухин, я принял бы его и даже был бы ему рад. Я был бы, пожалуй, не прочь послушать его «завиральных» (либеральных) рассуждений о правде и кривде, о добре и зле и о всякой чепухе. Может быть, он опять попросил бы у меня «рублик» и уж наверное вылакал бы у меня весь ром. Ну, да это – не беда...

Странно! Вокруг меня – целый мир, все человечество, а я между тем чувствую себя отрезанным от мира, совсем одиноким, словно живу на каком-нибудь необитаемом острове. Да! именно так... Я живу на острове Личного Благополучия.

Березовые поленья в камине уже прогорали. Я засмотрелся на груды красных, горячих угольев и смотрел на них так долго, что глаза мои стали невольно смыкаться, и на меня напала дремота. Но я не спал, честное слово не спал... Я даже порой приоткрывал глаза и видел перед собой, как в тумане, ту же груды красных угольев...

Вдруг мне показалось, что кто-то подошел сзади к моему креслу... не подошел, а осторожно, на цыпочках, тихо подкрался. Было мгновение, когда мне даже почудилось, что кто-то наклонился надо мной, чье-то дыхание коснулось моей щеки, и этот кто-то, неслышно подкравшийся ко мне, нежно, чуть дотрогиваясь, провел рукой по моим волосам, как бы желая погладить, приласкать меня... Я не выдержал, раскрыл глаза и, круто повернувшись в кресле, оглянулся назад. Это движение мне стоило больших усилий: мне ужасно не хотелось оглядываться; мне было очень трудно повернуть голову. Так во сне иногда бывает трудно пошевелить рукой или ногой, хотя – по ходу сна – ясно сознаешь, что от этих движений зависит вопрос о жизни и смерти...

Я от природы – не трус.

Но тут, перед камином, в этот несчастный святочный вечер, куда вдруг девалось все мое мужество!.. С усилием оглянувшись назад, я увидел за креслами довольно высокую, белую, призрачную фигуру. И этот призрак не то с укором, не то с сожалением тихо покачивал головой. Так по крайней мере мне почудилось одно мгновение. В действительности, разумеется, не было никакого призрака. Людям в здравом рассудке – таким, как я, привидения не являются. А дело было очень просто... Из залы, где горела лампа, свет полосой проникал в кабинет через отворенную дверь и падал на белую тюлевую занавесь у окна. Моя комната была погружена в полусумрак, и оттого белая занавесь, ярко озаренная, слишком рельефно выступала в окружающей ее темноте и могла на одно мгновение превосходно разыграть роль призрака... Сердце мое все-таки сильно билось, как будто я в самом деле пережил какую-нибудь действительную опасность; руки мои похолодели, и по спине пробежал какой-то неприятный озноб. Для того чтобы подобной истории не повторялось, чтобы опять не сделаться

игрушкой своего собственного воображения, я встал, зажег свечи на письменном столе и, прикрыв их зеленым абажуром, возвратился к камину.

Пошевелив щипцами горячие уголья, я поудобнее уселся в кресле и постарался думать о деловых предметах – о движении по службе, о гадательной возможности выиграть двести тысяч, о дешевизне шерстяной материи, подаренной мною Анне Ефимовне на Рождество, и тому подобном. Но я опять загляделся на уголья, и опять эти несносные воспоминания полезли в голову. И откуда они берутся, прах их знает! целые годы лежат где-то там, под спудом, а тут вдруг откуда ни возьмись и начнут выплывать...

И живо-живо, вот точно на картине, представился мне тот святочный вечер, когда я впервые встретился с *нею*... Я был в одном знакомом семействе; танцевали, только что кончили кадрили. Был уже час двенадцатый... Вдруг послышался звонок. Колокольчик чуть дрогнул, но в тишине, следовавшей за танцами, его слабый, дребезжащий звук явственно раздался в комнате. Запоздалый гость...

В залу вошла очень молоденькая барышня, лет семнадцати, высокая, стройная и с чудесными белокурыми волосами, Елена Александровна Неведова!.. Когда меня представили этой прелестной незнакомке, я крепко пожал ей руку, с удовольствием оглядев ее всю с ног до головы. Большие голубые глаза, весело смеючись, прямо и доверчиво посмотрели на меня. Спору нет, всегда скажу: хорошие, красивые глаза. Но я почему-то никогда не мог открыто, пристально смотреть в эти глаза. Слишком уж детски-невинны, слишком как-то ясны и чисты были они... Когда мои глаза встречались с этими голубыми детски-простодушными глазами, мне сдуру казалось, что они каким-то чудом могут увидеть все то, что скрывается на дне моей души...

Обыкновенно не перлы и алманты кроются в тайниках человеческой души. Эти тайники по большей части представляют собой нечто вроде мусорных ям, и обнаружить перед светом их содержимое – мне по крайней мере – кажется несравненно позорнее и стыднее, чем показать людям свою телесную наготу...

Помню: в ту минуту, как я пожимал *ей* руку, свежим, студеным воздухом и запахом фиалок повеяло на меня от ее платья, от рук, от ее разгоревшихся на морозе щек, от ее роскошных белокурых волос... Я танцевал с ней и потом, разговаривая, довольно долго ходил с ней по зале. Она была ни слишком полна, ни худощава, а именно такова, какую, по моему мнению, должна быть «здоровая» девушка в ее лета... Высокие стройные мягкие женщины были всегда в моем вкусе. С женщиной полной и небольшого роста я еще могу мириться, но женщин субтильных, подобных скелетам, представляющих собой ходячие «кости да тряпки», не выношу. Женщин вроде моей новой знакомки я звал «аппетитными», но аппетитнее Елены Александровны я еще не встречал девушек. Понятно, мне было очень приятно созерцать ее прекрасно развитые, девственные формы, и я с нескрываемым восторгом, на правах кавалера, смотрел на ее щеки, залитые горячим румянцем, румянцем юности и здоровья. Мне в то время было около тридцати лет, и мне показалось, что я произвел на нее также приятное впечатление... Нянька Максимовна недаром звала меня «красавчиком»; зеркало подтверждало справедливость ее приговора.

Двадцать лет прошло после того, а я и теперь помню Неведову такую, как увидел ее в тот святочный вечер. На ней было простенькое серое платье; на груди, на тонкой золотой цепочке, блестел золотой крестик с черной эмалью, усыпанный мелкими бриллиантами, ее единственное ценное украшение (вероятно, купленное по случаю), на голове голубая лента (копеек по тридцать аршин, не дороже). Конечно, я скоро сообразил, что девочка соблазнительно красива, что поближе познакомиться с ней очень лестно, но, ясное дело, в жены для меня эта красавица не годилась. Ценз не вышел... Я в тот же вечер уже все разузнал о ней.

Елена Александровна была сирота, дочь какого-то несчастного сорокарублевого чиновника, жила с матерью да с маленьким братом и давала уроки, бегая с Торговой улицы

на Васильевский остров и куда-то к Таврическому саду. Дело знакомое... Благородная бедность... Идиллия в разбитом горшке!.. Иные женщины в дырявых платьишках, я знаю, чрезвычайно любят гордиться своими добродетелями. Все это старые истории, давным-давно заезженные, общие фразы!

Я стал часто встречаться с ней у знакомых и все больше и больше влюблялся. Наконец, как водится, я начал заговаривать с Неведовой о «чувствах», но, как назло, то «чувство», которое меня всего более интересовало, которое всего пуще мне хотелось расшевелить в ней, не подавало и признака жизни; оно или еще спало, или оставалось в полудремоте. Но по всем моим предположениям, в такой вполне развитой, здоровой девушке «чувство» должно было спать очень легким, чутким полусном, и пробудить его, мне казалось, не особенно трудно.

Елена Александровна слушала, слушала мои рассуждения о «чувствах» и вдруг однажды огорошила меня совершенно неожиданным замечанием.

– Что это, Алексей Петрович, вы все о любви... Как это скучно! Разве же нельзя поговорить о чем-нибудь другом! – с оттенком легкой досады и нетерпения сказала она мне.

«А! так вот оно что... – подумал я. – Надо, значит, с серьезных разговоров с тобой начинать!.. Ладно».

В ту пору очень многие находили нужным толковать и писать о женской равноправности, об общем благе, о гражданской скорби и тому подобном. Я, признаться, никогда особенно не вникал в эти вещи: мне до них не было никакого дела. Что мне Гекуба?.. Ну, а теперь поневоле пришлось почитать тот или другой журнал и разные «передовые книжки». До того времени я читал только свою газету, правленские отчеты да «Стрекозу»... После такого чтения, натурально, мне показалось слишком тягостно приниматься за книги и журналы.

Зеваешь, бывало... скучища дьявольская! Иная статья написана так, что ее два раза надо было прочитать, чтобы сообразить, о чем идет дело, и потом быть в состоянии рассуждать о ней с Еленой Александровной. А возьмешь, бывало, иную «хорошую» переводную книжку, так еще и того тошнее: точно по болоту бродишь, то на пень наскочишь, то за кочку запнешься, то увязнешь чуть не по уши в какой-нибудь философской трясине... Но зато я добился своего: Елена Александровна стала внимательно слушать меня и гораздо лучше ко мне относиться...

Иногда вечером я провожал ее до дому. С Надеждинской до Коломны – не близкий путь. Иной раз мы ходили пешком, а в дурную погоду я иногда с полдороги брал извозчика. Двугривенные и пятиалтынные так и летели. А двугривенных да пятиалтынных в ту пору у меня было еще не особенно много... Но что же прикажете делать! Влюбился!.. Влюбился... и бегал я за своей красавицей, поистине сказать, как мартовский кот. Тоска бывала ужасная... Толкуешь о политике, о разных общественных вопросах, о рабочих союзах, о стачках, о всякой белиберде, а у самого страсть так и клокочет... Иной раз просто доходил до бешенства. Наконец, по некоторым признакам, я стал замечать, что и в юной красавице кровь заиграла... Иногда, сидя со мной наедине, она вдруг вся вспыхивала, голос ее становился нежнее; она чаще взглядывала на меня украдкой, и взгляд ее становился как-то мягче, приветливее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.